

Некоторые исследователи определяют также феномен «новой Восточной Европы», куда включают и Россию (А.В. Мальгин, А. Торкунов) [4]. Заметим, что известный российский политолог Д. Тренин определяет этим же термином «новая Восточная Европа» Беларусь, Украину и Молдову. Такой же точки зрения придерживается А. Миллер [5], а также американские исследователи Д. Гамильтон, Г. Манготт, А. Стент и др. [1]. Таким образом, относительно локализации Восточной Европы наблюдается ситуация методологического плюрализма.

Источники

1. Бовдунов, А. Л. Современная Восточная Европа: границы понятия и геополитическая организация (социокультурный аспект) / А. Л. Бовдунов // Вестн. Москов. ун-та. Серия 18: Социология и политология. – 2013. – № 1. – С. 208–222.
2. Восточная Европа // Восточная Европа. Перспективы. – 2011. – № 1. – С. 2.
3. Маккиндер, Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер. – М. : АСТ, 2021. – 288 с.
4. Мальгин, А. В. «Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России / А. В. Мальгин // Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2011. – № 6 (21). – С. 14–15.
5. Миллер, А. Восточная Европа: вообразить заново / А. Миллер // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4 (18). – С. 82–87.
6. Окунев, И. Запад / неЗапад: кривое зеркало мировой политики / И. Окунев // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/> (дата обращения: 19.11.2024).
7. Окунев, И. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики / И. Окунев // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 152–158.

*В.С. Шемет, кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ТРАЕКТОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ОБОРОНЫ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА, ГИБРИДНЫХ ВОЙН И СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Выступая на открытии II Минской международной конференции по евразийской безопасности 31 октября 2024 г., Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко акцентировал внимание на том, что «государства

все чаще вынуждены применять военную силу для защиты своего суверенитета, внутренней стабильности или недопущения эскалации, что очень важно сегодня» [3].

Не вызывает сомнений следующая аксиома: в основе обеспечения суверенитета Республики Беларусь лежит отвечающий современным рискам, вызовам и угрозам уровень ее обороноспособности, которая детерминируется соответствующим механизмом реализации внешних функций государства, одной из которых выступает функция обороны страны.

В Законе Республики Беларусь от 3 ноября 1992 г. № 1902-XII (в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 апр. 2024 г. № 363-З) оборона определена как «система правовых, политических, экономических, военных, социальных и иных мер, обеспечивающих военную безопасность Республики Беларусь».

В проведенных ранее исследованиях функция обороны страны рассматривалась нами в системном аспекте [8, с. 60; 9, с. 385].

В соответствии с теорией управления функционирование любой социальной системы зависит от внешних воздействий. В контексте реализации функции обороны страны (т.е. системы определенных мер) такими внешними воздействиями (факторами) являются внешнеполитические и военные тренды мировой политики.

Согласно исследованиям Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, одним из доминирующих политических трендов мировой политики и безопасности в 2024 г. являются «конфликты и связанная с ними глобальная и региональная военно-политическая и социально-экономическая нестабильность и неопределенность; секьюритизация и милитаризация мировой политики» [7, с. 17]

В Стратегической концепции НАТО 2022 г. (принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г.) изложены основные задачи альянса (см. таблицу) [6].

Основные задачи НАТО

Основные задачи НАТО в ракурсе геополитической трансформации	
<i>Российская Федерация является наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств-членов НАТО, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе</i>	
<i>Сдерживание и оборона</i>	Использование военных и невоенных средств комплексным образом для реагирования на все угрозы нашей безопасности <u><i>выбранным нами способом, в сроки и в областях по нашему усмотрению</i></u>

Основные задачи НАТО в ракурсе геополитической трансформации	
	Обеспечение существенного и <u>постоянного присутствия на суше, на море и в воздухе</u> , в том числе посредством усиления объединенной противовоздушной и противоракетной обороны
	Предоставление всего спектра сил и средств, планов, ресурсов, объектов и инфраструктуры, необходимых для сдерживания и обороны, в том числе <u>для ведения боевых действий высокой интенсивности в различных сферах против равных соперников, обладающих ядерным оружием</u>
	<u>Ускорение цифровой трансформации</u> , адаптация структуры органов военного управления НАТО к информационному веку и <u>укрепление киберзащиты</u> , сети и инфраструктуры. Укрепление способности <u>эффективно действовать в космосе и киберпространстве</u>
	Инвестирование в подготовку, сдерживание и защиту от используемых в целях принуждения политических, экономических, энергетических, информационных и других <u>гибридных тактических приемов государствами</u>
	Обеспечение большей интеграции и согласованности сил и средств и деятельности во всех сферах и во всем спектре конфликтов, подтверждая при этом <u>уникальную и особую роль ядерного сдерживания</u> . Укрепление стратегических коммуникаций, <u>повышение эффективности учений</u>
Предотвращение кризисов и кризисное регулирование	Использование возможностей для координации, <u>проведения</u> , обеспечения и поддержки, в том числе <u>в течение длительного периода</u> времени, <u>многонациональных операций</u> по реагированию на кризис
	Расширение масштабов и охвата помощи в области безопасности и укрепления потенциала уязвимых партнеров <u>в соседних с нами регионах и за их пределами</u>
Безопасность на основе сотрудничества	Проведение политики расширения НАТО
	Укрепление политического диалога и <u>сотрудничества с теми, кто стремится присоединиться к Североатлантическому союзу</u> (помощь в повышении их устойчивости к злонамеренному вмешательству, наращивание их потенциала и <u>усиление практической поддержки</u> для реализации их евроатлантических устремлений)
	Укрепление стратегического партнерства НАТО–ЕС, активизация политических консультаций и расширение сотрудничества по вопросам, представляющим общий интерес

Анализ этой концепции и ряда других документов стратегического военного планирования США и ряда Европейских государств позволяет нам выдвинуть гипотезу, основанную на том, что сегодня все реальные и гипотетические военные конфликты будут строиться на платформе «гибридных войн».

Указанная гипотеза находит свое подтверждение в трудах военных политологов. Так, А.В. Фененко полагает, что в основе современных западных концепций войн современности лежат следующие теории:

- «новых войн, согласно которой в современных войнах могут участвовать как государства, так и негосударственные субъекты;
- опосредованных войн (прохі-войн), согласно которой в ядерную эпоху государства воюют друг с другом через подставных субъектов;
- асимметричных войн, в которых великие державы воюют только с намного более слабыми субъектами;
- *гибридных войн*, якобы сочетающих в себе ведение военных действий с экономическим, дипломатическим и *информационным воздействием*» [7, с. 22].

В военной, политической и правовой науках существует обширный спектр дефиниций «гибридная война». Наиболее удачной, на наш взгляд, является отождествление ее с «синхронизированным использованием многих элементов мощи, нацеленных на специфические уязвимости в рамках полного спектра общественных функций для получения синергетического эффекта» [1]. Это определение в полной мере отражает системное представление гибридной войны в формате социального бытия.

Научный сотрудник Центра исследования вопросов мира при Университет Тромсе – Арктическом университете Норвегии Арсалан Билаль в статье «Гибридная война: новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот», опубликованной 30 ноября 2021 г. в журнале «Вестник НАТО» предлагает авторскую позицию, описывающую характер гибридных войн.

В частности, он утверждает:

«Гибридная война означает взаимодействие или сочетание обычных и нетрадиционных инструментов силы и диверсионных действий. Происходит синхронизованное смешение этих инструментов или средств, чтобы воспользоваться уязвимыми сторонами соперника и добиться синергетического воздействия...

Существует две характерные черты гибридной войны. Во-первых, разграничительная линия между войной и миром четко не просматривается...

Вторая отличительная черта гибридной войны связана с двусмысленностью и установлением ответственности. При гибридных нападениях, как правило, очень много неясности. Гибридные игроки заведомо создают неясность

и усиливают ее, с тем чтобы было сложно установить ответственность и принимать ответные меры» [2].

Полагаем правомерным предположить, что гибридные войны являются логическим продолжением (в некоторых случаях и структурным элементом) политических конфликтов.

Представляется интересной позиция И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина, которые в зависимости от особенностей политического целеполагания сторон конфликта выделяют их три основных типа, располагающихся по мере качественного роста политических притязаний активной стороны: политико-управленческий конфликт (разногласия относительно приоритетов политики государства в сфере перераспределения ресурсов между составляющими его сообществами), политико-институциональный конфликт (активная сторона конфликта не удовлетворена качеством политического представительства и функционированием политико-институциональной машины государства), политико-территориальный конфликт (политические и социально-экономические разногласия сторон актуализируют потребность в территориальных изменениях) [5, с. 74–76].

По нашему мнению, каждая вышеназванная типологическая конструкция конфликта может сопровождаться применением силы, в том числе и военной, что, в свою очередь, требует актуализации системы правовых, политических, экономических, военных, социальных и иных мер, обеспечивающих военную безопасность государства.

Сегодня военно-политическая ситуация находится в стадии высокой турбулентности. Мир стал полицентрическим и многополярным. Нивелируется международное право, увеличивается число конфликтов различной интенсивности.

Таким образом, появление нового спектра гибридных угроз в военной сфере предопределяет появление комплексных траекторий реализации функции обороны страны, а именно на платформах:

- Союзного Государства Беларуси и России;
- многостороннего международного военного сотрудничества с государствами-членами СНГ, ШОС и ОДКБ;
- двустороннего военного сотрудничества с государствами – членами БРИКС+;
- проведения миротворческих операций под эгидой ООН.

Источники

1. Бартош, А. А. Гибридные угрозы в повестке ОБСЕ / А. А. Бартош. – Независимое военное обозрение. – UPD: http://nvo.ng.ru/realty/2018-10-04/1_1016_osce.html (дата обращения: 01.11.2024).

2. Билаль, А. Гибридная война: новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот / А. Билаль // NATO Review. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugrozy-sloyonosti-i-doverie-kak-antidot/index.html> (дата обращения: 30.11.2024).

3. Лукашенко, А. Г. Нам всем нужен такой мир, в котором хочется жить и развиваться / А. Г. Лукашенко // СБ – Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/nam-vsem-nuzhen-takoy-mir-v-kotorom-khochetsya-zhit-i-razvivatsya.html> (дата обращения: 01.11.2024).

4. Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Ин-т мир. экон. и междун. отн. ; рук. А. А. Дынкин, В. Г. Барановский ; отв. ред.: И. Я. Кобринская, Г. И. Мачавариани. – М. : ИМЭМО РАН, 2023. – 124 с.

5. Семененко, И. С. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 69–94.

6. Стратегическая концепция НАТО 2022 года : принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. // НАТО. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

7. Фененко, А. В. Войны в структуре мировых порядков / А. В. Фененко // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2022. – № 3. – С. 13–36.

8. Шемет, В. С. Механизм реализации функции обороны страны как матрица дозволений и запретов: сборник трудов конференции / В. С. Шемет // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участ., Мурманск, 4 марта 2024 г. / редкол.: И. В. Богданов [и др.]. – Чебоксары, 2024. – С. 60–61.

9. Шемет, В. С. Некоторые концептуальные элементы, детерминирующие структуру модели формирования функции обороны страны / В. С. Шемет // Управление информационными ресурсами : материалы XX Междунар./ науч.-практ. конф., Минск, 29 марта 2024 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – С. 385–386.

*Т.А. Шендик, кандидат политических наук
БИСИ (Минск)*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Уважаемые коллеги, в своем выступлении я поделюсь размышлениями относительно важности соблюдения принципа единства теории и практики